

Извлекать из сокровищниц Леты неизвестные и забытые таланты — необыкновенно увлекательное занятие. Так, нами, библиотекарями, за последнее десятилетие «реанимированы» прикамские литераторы — бытописатель духовенства Сергей Николаевич Миловский-Елеонский, писатели Зоя Алексеевна Ерошкина, Иосиф Кунин, Лев Длигач, Вадим Фролов, Роберт Белов, эвакуированные в войну поэты Евгения Кунина, Вера Потапова-Эльтерман и др.

При написании очерка о поэтессе Куниной меня поразило тот факт, что Евгения Филипповна всю жизнь безответно любила Сергея Павловича Боброва. Она была очарована его поэтическим сборником «Вертоградари над лозами» с нежными колдовскими стихами:

Эти жребии отгорели, / И душа одиноко живёт...

О, пленитель моей свирели / Голубая излука вод!..

Широкий читатель мало знаком с Куниной-мемуаристкой. Близкая дружба с Б. Пастернаком, С.П. Бобровым, К.Г. Локсом при обучении поэтическому мастерству в Литературном институте у Брюсова и Адалис, а в поздние годы — тридцатилетняя нежнейшая дружба с Анастасией Ивановной Цветаевой, — были блестяще описаны в воспоминаниях Евгении Филипповны. Вот что она писала о Боброве: «В 1920 г. воздух ворвался извне

Сергей Павлович
Бобров

в наш укрытый за двойными дверями мирок. “Новая жизнь” началась с объявленного, но не состоявшегося в Клубе поэтов на Тверской, 18 “Доклада о ритме” Сергея Боброва в августе 1920 г. Лето стояло особенно сияющее после страшной мертвящей зимы 1919–20 гг. с лошадиными трупами на грязных ухабистых улицах, чёрными струйками дыма из закопчённых трудами печурок форточек. Фронты гражданской войны постепенно ликвидировались, откатывались всё дальше. Часы были переведены на 2 часа вперёд, и непривычно лежащие тени сообщали знакомым улицам новую прелесть. Мы жевали вкуснейшие яблоки необычайно богатого урожая — существенную подкормку отощавших москвичей. Не дождавшись выступления Боброва, мы обиженно шли домой. Позже мы всё же побывали на его выступлении. Он был человеком среднего роста с очень подвижным выразительным лицом, с умными, скорее сумрачными тёмными глазами из-под стёкол очков. Голос чуть глуховатый, не слишком внятный и — совершенно особенный. У него было своё обаяние».

Сергей Павлович Бобров (1889–1971) был одиозной фигурой в среде литераторов Серебряного века и оставил о себе негромкую и недобрую славу и презрение женщины, которая его любила. Каким же он был на самом деле?

«Малюсенький поэт, захудалый декадентишка?» — по собственному определению. Невезучий редактор? Болезненный честолюбец? Мистификатор? — Написал продолжение стихотворения Пушкина «Когда владыка ассирийский», опубликованного в 1918 году. После того, как пушкинист Н.О. Лернер признал мистификацию за подлинный текст Пушкина, Бобров выступил с саморазоблачением, вскрыв методику создания подделки.

Персонаж Достоевского? Для своего жизнеописания — «Мальчик. Лирическая повесть» — он взял названия глав как будто из «Братьев Карамазовых». Тем не менее, это был остроумный, талантливый, многосторонне образованный человек. Русский поэт-футурист, прозаик, литературный критик, теоретик стихосложения, переводчик, издатель, математик, художник. Он учился в престижном Катковском лицее², Московском училище живописи, ваяния и зодчества в мастерской Константина Коро-

—

² Катковский лицей — Московский Императорский лицей в память царевича Николая в Москве, на Остоженке — привилегированное закрытое высшее учебное заведение для детей из дворянских семей.

вина и сам оформлял свои книги. Он был вольнослушателем в Московском археологическом институте. В 1913 г. возглавлял неосимволистскую группу «Лирика», с 1914 г. — группу футуристов «Центрифуга». Его литературными сподвижниками были Борис Пастернак, Николай Асеев и Иван Аксёнов. Сын известного шахматиста и детской писательницы, Бобров был предан поэзии, но из-за чересчур острого языка его не любили. Неудачи преследовали его. «Бобровую струю» боялись и высмеивали. Накал взаимной воинственности был чрезвычайно ожесточённый: «Идейный руководитель “Центрифуги” попросту ненавидел молодёжь. Сам неудавшийся стихотворец, он избрал своей профессией желчность. Молодых он “уничтожал” с усердием, достойным царя Ирода. “Слишком много развелось футуреющих мальчиков”, — высказывался он напрямик. С искривлённым лицом, держась за щеку, словно у него болят зубы, вгрызался он в прочитанные ему стихи. Оглушить, облить едкой кислотой, заставить человека разувериться в своих силах. Вероятно, он воспретил бы поэзию, если б это было в его силах». «После долгих обещаний вышел в свет № 1–2 “Первого журнала русских футуристов”. За чем смотрит городское управление? — это уже не первый случай, как в Москве лопаются канализация, и зловоние покрывает богоспаемый наш город», — отвечает им Бобров. Так ковалась слава — в памяти многих современников остались «зловонные морды», покрытые « пеной бешенства » и другие запоминающиеся образы литературных противников. Другой современник в начале 1920-х годов вспоминал о нём так: « В «Кафэ поэтов» мэтрствовал Сергей Бобров, поэт-эрудит, литературный неудачник, специализировавшийся на цукании молодых поэтов. Желчи в Боброве было много, и если после бобровской дружеской критики молодой поэт не давал себе слова бросить писать, то уж ничто не могло спасти несчастного любителя стихов от прилипчивой болезни — поэзии ».

Впрочем, у Боброва, у этого царя Ирода российского Парнаса, было одно положительное свойство — бездонная литературная память. Всё, когда-либо читанное, хранилось им в глубинах памяти и в соответствующую минуту извлекалось на свет божий. Но этот дар был роковым для Боброва-поэта. Всё прочитанное ложилось тяжёлым грузом на каждую написанную им строку. Так Бобров-поэт тщетно боролся с Бобровым-эрудитом, Бобровым-критиком, пока кто-то не пригвоздил его метким определением: « мечтательная гиря ! ». Большинству он запомнился таким: « желчный, саркастичный и оскорблённый непризнанием », с « острым, язвительным и злым умом », « садист », « умный человек », « сноб, футурист и кокаинист, близкий к ВЧК », « завистливая бездарность »,

«человек недобрый, но с большими лингвистическими способностями», «человек наивный и чистый», «всегда взъерошенный» «поэт-математик» и т. д. Он называл «союз поэтов» — СОПО — «сопаткой», собаку Шарика — Трёхосным Эллипсоидом, а несостоявшийся сборник подруги под названием «Звонок в пустую квартиру» — «Звонком впустую». Мать своих дочерей он именовал «Варвара-корова», а она его — «Бобр». Гумилёв говорил о нём: «Сергей Бобров только настроение испортит».

В 1920-е годы ближайшие его соратники — Асеев и Пастернак — становились знаменитыми, отдаляясь от него всё больше. Пастернак всё больше тяготился его покровительством и чрезвычайно обидно отозвался о нём. Асеев также чурался бывшего знакомства. Кажется, Бобров находил утешение, издавая фантастические романы, складывая статистические таблицы, сочиняя математические книги для юношества, разыгрывая шахматные партии вслепую и предаваясь стиховедению, на почве чего он сошёлся с юным М.Л. Гаспаровым, оставившим прекрасные воспоминания о нём. Бобров одним из первых описал дольник (под названием «паузник»), в 1915 издал книгу «Новое о стихосложении Пушкина».

Бобров служил секретарём в Обществе свободной эстетики, посещал стиховедческий кружок при издательстве «Мусагет». Он возглавил издательство кружка и выпустил первую книгу своих стихов «Вертоградари над лозами» в 1913 году. В ней сказались увлечение Боброва поэтами пушкинской поры, а также французскими поэтами. В Первую мировую войну С.П. Бобров не был мобилизован. Он издал несколько книг разных авторов, «Второй сборник Центрифуги» и два собственных поэтических сборника: «Алмазные леса» и «Лира лир». В своих поэтических произведениях Бобров часто избегал правильных рифм, используя ассонанс и свободный стих. На его поэтическое творчество оказало влияние знакомство с В.Я. Брюсовым, которого он считал литературным отцом, и Андреем Белым.

После Октябрьской революции Сергей Павлович служил в Литературном отделе Наркомпроса. В 1920-е гг. он проявил себя в основном как критик, сотрудничая в журналах «Печать и революция», «Красная новь», где вёл библиографический отдел, публиковал статьи и рецензии.

28 декабря 1933 г. С.П. Бобров был арестован, вероятно, за написание и чтение повести «Близлежащая неизвестность». О том, что Бобров в это время уже находился под пристальным вниманием карательных органов, вспоминал музыковед и младший друг Боброва Иосиф Филиппович Кунин: «Бобров прочёл у нас дома рассказ “Фиалка и горчица”. По поводу этого чтения меня вызвали в тридцатых годах в ОГПУ. Рассказ не был напечатан,

а жаль — он был очень талантливо написан. Атмосфера предательства и коварства начальников была передана действительно убедительно». В 1934 году Бобров был осуждён на три года ссылки и выслан в Северный Казахстан — в Кокчетав за «ведение антисоветской пропаганды и распространение контрреволюционных литературных произведений». Его семье помогал, чем мог, Борис Пастернак. После окончания ссылки Бобров жил в Александрове. Через шесть лет с него была снята судимость, и он получил возможность вернуться в Москву.

Удивительно, но некрасивый угрюмый Бобров пользовался успехом у женщин. Всего за долгую жизнь Бобров был женат трижды. Его первой женой была Мария Ивановна, урождённая Четыркина, дочь статского советника. У них родился сын, которого назвали Маром. Затем в революционные годы его женой была поэтесса Варвара Александровна Мониная, родившая ему трёх дочерей: Марину, Любовь и Раису. О Мочалова пишет об его издевательствах над женой. Он упрекал жену в плодовитости, отказывался содержать семью, дети плакали от голода. В конце 1920-х этот брак распался. С начала 1930-х гг. женой и постоянной спутницей Сергея Павловича становится талантливая переводчица Мария Павловна Богословская. Некоторые переводы она выполняла в соавторстве с Бобровым.

В годы Великой Отечественной войны Сергей Павлович жил в эвакуации в Ташкенте. После войны работал над автобиографической прозой, мемуарами, переводами. Бобров — автор научно-познавательных, популярных книг по математике и астрономии для детей — «Волшебный двурог» и «Архимедово лето». В 1971 году в издательстве «Советский писатель» выходит его крупная поэма «Евгений Делакруа, живописец». В конце жизни он работал вместе с Гаспаровым над таблицами лингвостатистического анализа поэзии. Казалось, он постоянно занят. Но всё же его статьи, переводы, поэзия печатаются редко и с большим трудом. Его угнетает непризнанность, ненужность его работы.

Сергей Павлович Бобров ушёл из жизни от острой коронарной недостаточности в возрасте 81-го года 1 февраля 1971 года в Москве в Боткинской больнице. Похоронен на Головинском кладбище.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стихотворения С.П. Боброва.
2. Энциклопедия русского авангарда В.И. Ракитина, А.Д. Сарабьянова.
3. Статьи Виктора Шкловского, Ю.М. Гельперина, М. Безродного, О. Мочаловой, Г. Адамовича, Г. Иванова, И. Одоевцевой, Е. Черняк.

Удмуртия, г. Сарапул